

— Верно, если бы десять лет назад Да Ци ещё имела достаточно власти над местными территориями, канал можно было бы построить без проблем, — Цинь Хуань закрыл глаза, в его голосе звучала горечь тех дней. — Но в то время местные власти, хотя и имели намерения к восстанию, ещё не были готовы пойти на крайние меры. Была возможность договориться. Если бы мы начали строить канал, те, кто ещё не был уверен в восстании, были бы вынуждены подняться против нас.

— Как только началась бы внутренняя война, и без того шаткая империя Да Ци окончательно развалилась бы. И самое печальное, что я, чтобы избежать подозрений в накоплении войск, кроме твоих сил на Северо-Западе, не имел других войск, на которые мог бы опереться. А такие, как князь Цзи, только воспользовались бы ситуацией.

— Таким образом, как только началось бы строительство канала, и я, и весь двор Да Ци оказались бы в невыгодном положении.

— Я понял, — Чжао Цинфэн подошёл ближе и помог Цинь Хуаню подняться с холодного пола. Хотя в делах двора он разбирался не так глубоко, как Цинь Хуань, в военных вопросах он схватывал всё на лету. — Сейчас наступили те самые десять лет, о которых вы говорили.

— За эти десять лет двор из-за внутренней борьбы между Хэ Уцином и князем Цзи стал ещё слабее. Военная власть всё больше сосредотачивалась в руках этих двоих, а местные силы становились всё сильнее. Независимо от того, будет ли построен канал, в течение трёх лет они обязательно восстанут.

— Поэтому вам больше не нужно беспокоиться о том, что строительство канала приведёт к развалу Да Ци, потому что этот развал уже близок. Теперь вы хотите использовать строительство канала, чтобы получить достаточно власти, ресурсов и войск от князя Цзи и Хэ Уцина, сначала подавить местные восстания, а затем вернуться в столицу.

— Верно, — Цинь Хуань открыл глаза, и в них загорелся неугасимый свет решимости. — Раз уже невозможно предотвратить восстание местных властей, то нужно использовать оставшиеся силы в столице, чтобы занять выгодную позицию, а затем, опираясь на богатства юго-востока, накопить силы и вернуться в Сычжоу.

— Я не хочу отдавать заслугу возрождения кому-то другому, но, если это удастся, усилия Хэ Уцина будут не меньше моих. Неправедливо оставить его в дураках.

Чжао Цинфэн быстро оценил план на осуществимость, но затем нахмурился:

— Но как вы можете быть уверены, что Хэ Уцин действительно построит канал? С его возрастом, если он будет уступать местным властям и тянуть время, то Да Ци может не рухнуть до его смерти. Зачем ему рисковать?

— Потому что он не хочет тянуть время, — Цинь Хуань аккуратно сложил шёлковый свиток и убрал его в рукав. — Знаешь, почему он настаивает на том, чтобы наследником был потомок семьи Цинь?

— Из-за договора с князем Цзи? — неуверенно предположил Чжао Цинфэн. Сколько бы он ни изучал людей, он всё ещё не мог понять таких, как Хэ Уцин.

Цинь Хуань покачал головой:

— Договор с князем Цзи — это одно, но главное — это он сам.

— Он хочет войти в историю как преданный и добродетельный чиновник, а не как мятежник. Это для него важнее, чем его собственная жизнь.

Чжао Цинфэн, услышав это, с недоверием покачал головой и горько усмехнулся:

— Я действительно не могу понять все эти хитросплетения в умах вас, образованных людей.

Цинь Хуань тоже улыбнулся, а затем продолжил:

— Восстание местных властей уже близко, и мы это понимаем, так что Хэ Уцин тоже это понимает.

— Если местные восстанут, даже если это произойдёт после его смерти, потомки обязательно возложат на него вину. Это то, чего он никак не хочет. — Цинь Хуань встал и вместе с Чжао Цинфэном подошёл к окну, глядя на спокойную ночь в заснеженном дворце, но говоря о вечном беспокойстве в сердцах людей. — На самом деле, Хэ Уцин думает так же, как и мы. Он хочет при жизни увидеть возрождение и процветание Да Ци. Поэтому он не сможет устоять перед соблазном канала. Он сделает всё возможное, даже унизится, чтобы договориться с князем Ци.

Они обменялись взглядами, и следующие шаги уже были ясны:

— А наша задача — завоевать их доверие и взять это дело в свои руки.

Наступил канун Нового года, но дворец по-прежнему был погружён в уныние из-за смерти Цинь Цзюня. Даже годовой банкет прошёл очень тихо, без весёлых танцев и музыки.

Цинь Хуань снова сидел в своём углу. Прошло всего два месяца с тех пор, как он был здесь в последний раз, но атмосфера в зале уже изменилась.

Хэ Уцин всё ещё носил маску добродушного старца, словно он действительно был равнодушен к мирским делам. Князь Ци, которого все не ожидали увидеть, снова появился вовремя и привёл с собой второго сына, Цинь Цуна, что говорило само за себя.

Цинь Хуань, глядя на толстого и неуклюжего Цинь Цуна, который шагал за отцом по пятам, вдруг почувствовал жалость к князю Ци. Все говорят, что старость героев вызывает печаль, но, по его мнению, настоящая печаль — это когда герой стареет, а достойных наследников нет.

Затем он перевёл взгляд на Хэ Уцина и, как и ожидал, увидел разочарование на его лице. Конечно, Цинь Цзюнь, хотя и был не идеален, хотя бы выглядел прилично, а этот пухлый шарик и рядом не стоял.

Но, отбросив желание понаблюдать за происходящим, Цинь Хуань перебирая пальцами нефритовый мешочек на поясе. Сегодня был первый день их пари с Чжао Цинфэном, и им обоим предстояло сделать одно и то же — преподнести подарки.

Без танцев и музыки, а также из-за мрачного лица князя Ци, сидевшего в зале, никто не осмеливался веселиться. Министерство церемоний изо всех сил старалось развлечь гостей, но всё, что они смогли придумать, — это стихи и хвалебные речи, чтобы хоть как-то оживить атмосферу. Однако, несмотря на это, новогодний банкет всё равно казался скучным и небрежным. Вскоре даже император Цинь Юй, сидевший на троне, почувствовал неловкость и начал беспокойно оглядываться на Ли Хуэя.

Ли Хуэй, заметив это, молча кивнул маленькому евноху, и тот поспешил уйти, вероятно, чтобы передать приказ.

Действительно, вскоре главный евнох громко объявил о начале церемонии подношения подарков.

Хотя все министры были удивлены, так как по традиции время для подарков ещё не наступило, никто не стал обсуждать это. Все, кто был в зале, знали, как вести себя при дворе, и без лишних слов начали подходить и зачитывать заранее подготовленные хвалебные речи, преподнося свои подарки.

Именно в этот момент в зале наконец появилась атмосфера праздника.

Если бы Цинь Аньпин действовал по своему обычному сценарию, Цинь Хуань, вероятно, тянул бы время до последнего, а затем вышел бы вперёд, сказал несколько стандартных поздравлений и преподнёс бы какой-нибудь незаметный подарок, чтобы завершить этот ритуал.

Но — Цинь Хуань украдкой взглянул на всё ещё сидящего на своём месте Хэ Уцина — он решил воспользоваться моментом, когда все ещё были заинтересованы, и, держа в руках длинный свиток, поднялся. Он, в отличие от прежних дней, когда старался оставаться незамеченным, теперь шёл уверенно, с достоинством и грацией.

Стоя в центре зала, он сразу привлёк внимание всех присутствующих:

— Ваш слуга Цинь Аньпин поздравляет Ваше Величество и Императрицу с наступлением весны и желает процветания на все четыре стороны света.

Цинь Юй, не понимая всех этих сложных слов, просто обрадовался, увидев Цинь Хуаня, и чуть не крикнул «второй брат», но вспомнил наставления Ли Хуэя и неохотно махнул рукой:

— Племянник, встань скорее.

Цинь Хуань с уважением поднялся и передал длинный свиток евноху, который развернул его, показав всем аккуратный текст, написанный каллиграфическим почерком:

— Ваш слуга не силён в литературе, поэтому не осмелился сочинять что-то своё. К счастью, моя каллиграфия ещё может считаться приемлемой, поэтому я просто переписал старые новогодние пожелания и преподношу их Вашему Величеству. Надеюсь, вы не сочтёте это недостойным.

Цинь Юй, не слушая, начал хлопать в ладоши, хваля племянника, а все министры, хотя и не знали этого скромного молодого князя, тоже присоединились к похвалам.

Хэ Уцин, держа в руках бокал вина, наблюдал за молодым человеком, который с достоинством стоял в центре зала, говорил уверенно и не переходил границ.

Он, уже заинтересовавшись им ранее, недавно приказал своим людям изучить всё, что происходило с Цинь Аньпином за эти годы, и не нашёл ничего подозрительного.

Раньше Хэ Уцин, возможно, просто проигнорировал бы это, но сейчас... он действительно начал нервничать.

<http://bllate.org/book/16488/1498187>